

Медведева Ирина Вениаминовна

Муниципальное бюджетное учреждение

«Октябрьский историко-краеведческий музей

имени Анисима Павловича Шокурова»

городского округа город Октябрьский Республики Башкортостан

ДИАГНОСТИКА

Как-то, будучи воспитателем изобразительности в Центре развития ребенка, я проводила диагностику в старшей группе. Начинался учебный период, группа для меня была новая, и я не только определяла навыки детей, но и выбирала наиболее одаренных для занятий в изостудии. Вводная часть называлась «Дети любят рисовать», тема была свободная. Все шло как по маслу: соскучившись за лето по организованным занятиям, маленький народ творил. Воспитатели, бывшие рядом, на подхвате, не успевали подтачивать цветные карандаши, которыми увлеченно рисовали дети.

Наступило время подведения итогов: я пошла по рядам с шаблонной таблицей в руках, отмечая по баллам навыки детей: сколькими цветами пользуется ребенок для раскрытия замысла сюжета, как выдерживает масштаб, как компоует на странице изображение, есть ли фон и т.д. «Сюжеты – незамысловаты, но нормативы – выдержаны, в целом – не плохо, чувствуется вклад и сознательность воспитателей», думала я, давая общую оценку группе. Пройдя мимо цветочков, домиков, елочек и человечков, мой взор вдруг уперся в «нечто»: серые «заколяки», выполненные простым карандашом, размашисто и бессистемно покрывали всю плоскость листа. По критериям диагностики шел неумолимый вывод: ребенок – отсталый, возможно – аут, навыков – ноль... Я

вопросительно посмотрела на воспитательницу: она, деликатно оттащив меня на расстояние вне досягаемости слуха ребенка, поведала, что мальчик – трудный, хотя и из приличной семьи. Третий, мол, по счету, и сорт, похоже, тот же: в будущем по нему «плачет» школа коррекции, ни рисовать, ни говорить и вообще – развивается плохо... Но папа – не простой, с должностью, настаивает на принятии ребенка в изостудию, ибо чувствует «на тонком плане» его задатки. Я посмотрела на малыша: он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на меня с нескрываемым чувством явного превосходства. Тут во мне разыграло профессиональное чувство педагога, который не зря ест свой хлеб: я вернулась к нему и говорю:

- А не мог ли ты, дружок, добавить какой-нибудь цвет в свой рисунок?

Он кивнул головой, взял синий карандаш и лихо и небрежно повторил серые каракули. Закончив, малыш взглянул на меня вызывающе. Я приняла его «вызов» и задала следующий вопрос:

- Скажи мне, милый ребенок, как называется твоя работа?

И слышу в ответ примерно такой невразумительный лепет:

- Витатуйти напиет! Напиет!

Пришлось снова звать воспитателя на подмогу. Мы разобрали слово «наперед». Заявив, что не успокоюсь, пока не узнаю, что изобразил ребенок, я начала задавать мальчику наводящие вопросы, а воспитатель взяла на себя роль переводчика.

Через некоторое время мы выяснили, что это – люди, их – двое: мужчина и женщина, они – вместе и держат друг друга за руки. Информация медленно, но верно обогащалась новыми подробностями. Итог нашего опроса был ошеломляющим: как выяснилось, было изображено парное фигурное катание, а еще точнее, след от фигурных коньков, который оставляла пара, «вытанцовывая задом – наперед» как, собственно говоря, и называлось изначально это произведение).

Я поздравила воспитателей с наличием гения в группе, уточнив, не Казимиром ли зовут этого ребенка и не Малевич ли его фамилия.

Сама же сделала следующие выводы: процесс обучения – всегда взаимный: обучая кого-то, мы сами приобретаем какие-то знания и трудно определить, что имеет большую ценность. Этот малыш отучил меня от использования шаблонного подхода по отношению к людям и к миру.

Теперь я стараюсь обходиться без негативных штампов и прописных догм: тот, мол – «глупец», этот – «злодей»; то – «черное», а это – «белое» и т.д. Порой для того, чтобы разглядеть особенное, уникальное, гениальное, надо и самому не просто смотреть прямо, а уметь видеть, «вытанцовывая задом – наперед».

